

18+

ЮРИЙ МУДРЕНКО

Хроники нестроевой ПОДГОТОВКИ

Юрий Мудренко

Хроники нестроевой подготовки

«Издательские решения»

Мудренко Ю. И.

Хроники нестройной подготовки / Ю. И. Мудренко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832875-6

Роман о прекрасной поре юности и взросления, о верных друзьях и незабываемых приключениях, от которых захватывает дух даже по прошествии многих лет. Спасибо нашим преподавателям и самым лучшим на свете отцам-командирам.

ISBN 978-5-44-832875-6

© Мудренко Ю. И.
© Издательские решения

Содержание

От Автора	6
И ещё	7
1	8
2	10
3	12
4	14
5	18
6	20
7	24
8	27
9	32
10	35
11	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Хроники нестроевой подготовки

Юрий Иванович Мудренко

© Юрий Иванович Мудренко, 2025

ISBN 978-5-4483-2875-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От Автора

Я никогда не взялся бы за изложение подобной истории, даже в угоду собственному самолюбию, ибо всегда был убеждён, что писать надо о чём-то тонком, возвышенном или, по крайней мере, смешном и интересном. Я не расстаюсь с этим мнением по сей день, не изменяю ему никогда, а потому считал и считаю, что лучше не писать ничего, чем писать что попало, лучше какое-то время отмолчаться, собираясь с мыслями или просто промаявшись от безделья, чем выдавливать на бумагу никому не интересные и не связанные друг с другом слова и фразы, выражения и предложения.

– Так что же могло измениться? – спросите вы. – Быть может, автор решил отступить от своих принципов?

Спешу вас сразу же успокоить и уверить в том, что история, которую я хочу предложить вашему вниманию не вымученная. Она родилась в моей голове, подобно долгожданному ребёнку в чреве любящей матери, а потому должна, просто обязана увидеть свет.

И ещё

Все действующие лица и события вымышлены. Любое сходство с реальными людьми и событиями является случайным.

1

Лето всегда кажется скоротечным, даже если пытаться сознательно изменить отношение к данному постулату. Особенно заметна его стремительная мимолётность в отпуске, тем более, когда закончилось детство с его задором, весельем и беззаботностью, когда за твоей спиной навсегда захлопнулась школьная дверь, а взрослая жизнь стала такой близкой, такой осязаемой и ощущаемой, приближающейся с каждой прожитой минутой. Ты смотришься в зеркало и теперь уже внимательным взором замечаешь пробивающиеся волоски темнеющей щетины на юном овале своего лица, которых раньше попросту не было.

– Пора бриться! – шёпотом произносишь ты, проводя ладонью по колким щекам и подбородку.

Вот с таким состоянием души и точно такими же мыслями в маленькой ванной трёхкомнатной квартиры блочного дома стоял рано утром перед зеркалом вчерашний суворовец Юра. Вдоволь насмотревшись на успевшую отрасти за несколько дней щетину, юноша достал бритвенный станок и положил его на раковину. Затем он открыл дверцу небольшого шкафчика и взял с полки крем для бритья и кисточку. Сегодня он решил побриться основательно, чтобы не ударить в грязь лицом перед своим школьным другом Ярославом, к которому собирался пойти в гости, как и договаривался накануне.

Юра включил воду и, отрегулировав её температуру, принялся с особой тщательностью за процесс бритья, как это всегда делал его отец. Во всяком случае, Юра всегда видел его опрятным и гладко до синевы выбритым. Такой яркий пример, безусловно, заслуживал подражания, а потому молодой человек выдавил на кончик кисти солидную порцию крема для бритья и густо намазал им румяные щёки и озорной подбородок, и только усы, начинающая темнеть поросль под носом, остались не тронутыми. Ведь именно усы в столь юном возрасте добавляют года два-три к восемнадцати неполным годам, которых по обыкновению так не хватает для солидности и большей уверенности в себе и собственных силах.

Наконец с бритьём было покончено. Юра убрал на место все бритвенные принадлежности и с удовольствием смыл с лица остатки крема холодной водой. Этому его когда-то научил отец, приговаривая:

– Юрок, ты, когда настанет такое время, будешь бриться, всегда умывайся холодной водой, и раздражения не будет никогда. Все эти гели и крема после бритья ни за что не дадут такого эффекта, как самая обычная холодная вода, и никогда не будут полезнее и приятнее её. А вот если нечаянно порежешься, то после умывания обязательно прижги ранку или йодом, или одеколоном. Конечно же, и водка для этого подойдёт. Только я очень надеюсь, что ты пить не будешь.

С этими словами отец ласково потрепал Юркин чуб.

– И не кури никогда, – посоветовал он тогда сыну. – Ничего хорошего в этом нет, и не будет. Поверь мне на слово. И вообще, пристраститься к этим двум привычкам легко, а вот чтобы отвыкнуть от них – надо будет сильно постараться. И то, не у всех это получится.

Со временем этот разговор забылся, затерялся среди потока новой информации, важной и не очень, был завален всевозможными советами на всякие случаи жизни, тем более что Юра не курил, да и курить не собирался, особенно когда учился в Минском Суворовском военном училище. Поступил он туда после окончания восьми классов средней школы, поступил сам, без посторонней помощи, только благодаря собственному упорству, трудолюбию и атомному желанию.

– Это чёрт знает, что такое! Всех курильщиков отчислю безо всякого сожаления! – неоднократно повторял командир роты подполковник Стрижак, которого все страшно боялись, а потому не перечили и не пререкались.

Юра подобные указания принимал окончательно и бесповоротно, возводя в собственном сознании в ранг аксиомы. И даже когда его друзья тайком чадили табак, он был абсолютно непоколебим в своём решении не нарушать приказ командира.

Но это было тогда, в училище, когда вся жизнь была подчинена строгому распорядку армейских будней, когда курение приравнялось к самым грубым нарушениям воинской дисциплины. Теперь же всё изменилось: Суворовское училище было позади, а впереди – Ленинград, высшее военное училище и взрослая жизнь, и только буфером между этими событиями был краткосрочный отпуск, когда можно расслабиться и перевести дух, отоспаться и отдохнуть, ни о чём не думая и никуда не торопясь.

2

– Юрок! Иди кушать. Завтрак уже готов, – это мама позвала своё выросшее и повзрослевшее чадо к столу.

Судя по головокружительно вкусным запахам, это были блины, те, которые так любил Юрка.

– Иду, мам! – громко отозвался он. – Только вытрусь.

Он обожал эти ароматные запахи и любил приготовленные мамой блинчики, которые можно есть и со сметаной, и с яичницей, пожаренной специально с салом, и с вареньем. Правда, последние два года наслаждаться истинным вкусом маминой кухни Юре приходилось не так часто, потому что он учился в другом городе и приезжал к маме только на каникулах. Именно во время его отпусков мама старалась удивить сына своими кулинарными способностями, и, надо сказать, ей это всегда удавалось.

– Боже мой, ты уже бреешься! – улыбнулась она, с любовью всматриваясь в лицо сына.

– Мам, я бреюсь уже почти год, – пробасил Юра, обмакивая очередной, свёрнутый в рулон тёплый блинчик в сметану. – И ты каждый раз мне это говоришь. Не надоело?

– Нет, не надоело, – ответила женщина. – Я так редко тебя вижу, что надоест мне просто не может. А ты уже совсем взрослым стал, и так на батю похож. Я вот смотрю на тебя и думаю, жаль, что он не дожил и не видит тебя сейчас.

Мамины глаза стали влажными от слёз, и она замолчала. Сын тоже молчал, вспоминая своего отца, которого не стало два года назад. Когда это случилось, Юра не сразу осознал данный факт. Смерть отца казалась нелепостью, неправдой, и казалось, что он просто уехал ненадолго, как это случалось летом, в разгар школьных каникул и массовых отпусков трудящихся огромной страны, спешивших со всех ног на жаркий юг, чтобы примерно загореть и поправить пошатнувшееся здоровье. Именно летом отец уезжал в санаторий, где мог отдохнуть и набраться сил на весь последующий трудовой год. И вот два года назад традиционная череда событий была внезапно прервана и никогда больше не повторялась.

В память юноши прочно врезалось ещё одно событие. Это произошло примерно полгода назад, когда он вместе с другими суворовцами смотрел программу «Время», одно из обязательных ежедневных получасовых мероприятий, согласно всё того же распорядка дня. Именно в этот вечер перед Юриными глазами возник образ отца так ясно и чётко, что на миг показалось, протяни руку, и можно будет до него дотронуться. Действительность как будто бы отступила на второй план, отдалив и обесцветив образы однокашников и приглушив их голоса. Даже включённый на полную громкость телевизор и тот будто бы растворился в белёсом тумане, и всё вокруг превратилось в самый обычный фон, потерявший реальные очертания.

– Папа, – прошептал Юра, и его глаза наполнились солёными слезами.

Он вдруг каждой клеточкой своего организма осознал, что больше никогда в этой жизни не увидит родное лицо отца, никогда больше с ним не поговорит, ни о чём не посоветуется, и никогда больше отец не потреплет ласково его чуб и не прижмёт своими крепкими руками к груди.

Юрка тогда был готов попросить у отца прощения за все свои непослушания, за допущенную грубость по отношению к нему, но было поздно. Папы больше не было. Юноше стало плохо. Он вдруг почувствовал, как ком подкатил к горлу и начал душить изнутри, а потом из глаз ручейками потекли накопившиеся слёзы.

Близиких терять всегда тяжело, но ещё тяжелее бывает ощущение того, что что-то не досказано, что родной человек никогда не узнает, как сильно его любили. И как же больно и горько осознавать, что ничего уже не вернуть обратно и не исправить. Это неправильно, но поделать уже ничего нельзя. Поздно.

Вот и сейчас, сидя с мамой на кухне, Юра вспомнил отца, и только усилием воли ему удалось взять себя в руки и сдержаться, чтобы при ней не расплакаться.

– Ты почему не кушаешь? – прозвучал мамин вопрос.

– Спасибо, уже наелся, – ответил Юра, поднимаясь из-за стола.

– У тебя какие планы на сегодня? Опять к друзьям? К Сергею?

– Да нет, я к Ярику сегодня пойду, – юноша улыбнулся. – Сто лет его не видел.

– Так уж и сто? Иди уж, а я тут приберу, – мама поставила посуду в раковину. – Только вечером тарелки моешь ты.

– Хорошо, мам!

Помыть посуду – да запросто! Юра совершенно не комплексовал по этому поводу, потому что в училище, в наряде по кухне приходилось перемывать сотни тарелок, а здесь всего-то пара штук.

Через пятнадцать минут он вышел из квартиры, захлопнув за собой входную дверь, и спустился в подвал дома, где в ожидании своего хозяина томился надёжный и проверенный друг, испытанный временем на прочность, чёрного цвета велосипед, купленный в далёкую пору беззаботного детства, когда всё вокруг было загадочным, а деревья, как говорили классики, были большими.

3

Дорога к дому школьного друга занимала в общей сложности около десяти минут. Именно столько времени следовало крутить педали велосипеда, чтобы, не ставя рекорды и не работая на износ, добраться до пункта назначения. Можно было бы, конечно же, проделывать весь этот путь пешком, на что ушло бы минут двадцать пять, а то и тридцать. Но к чему это вдруг вышагивать, когда можно домчаться с ветерком, пускай без урчащего мотора, зато в седле и на колёсах? А потом, гораздо приятнее себя чувствовать, когда ты мобилен и скор, и что твой верный конь и спутник, железный велосипед никогда и ни при каких обстоятельствах тебя не подведёт. Он напомнит тебе ту пору, когда ты ещё только начинал его осваивать, и он весь был в смазке, а на его поверхности ещё не было ни одной царапины. Все они появятся позже, после неудачных падений и неаккуратной и неосторожной езды. Но всё равно эти вместе взятые царапины на скорость никогда не влияли, и каждая из них только добавляла гордости, а также уверенности в своих силах и служила уникальной отметкой о прохождении очередного этапа освоения экстремальной езды.

Юрин велосипед, конечно же, прошёл огонь, воду и даже медные трубы, если судить об этом с высоты мальчишеских воззрений. Именно на этом двухколёсном красавце были в своё время установлены своеобразные рекорды, как то: езда без рук и катание на багажнике. Теперь же повзрослевшему юноше подобные достижения были не нужны, а потому Юра просто весело крутил педали, направляя своего стального коня по шоссе. Мимо проплывали здания, давно ставшие историей маленького города, пешеходы, торопившиеся по своим делам, люди, ждавшие рейсовый автобус на остановке.

А вот и мост, гордость семидесятых годов, времени, когда он был сооружён, буквально воздвигнут над старой, убитой временем и грузовыми машинами трассой, окончательно устаревшей и старомодной, а всё потому, что бывшая дорога пересекала железнодорожное полотно и часто закрывалась из-за прибывавших и отправлявшихся поездов. Уже в то время, когда личный автотранспорт у наших граждан был скорее исключением, чем правилом, перед переездом накапливались километровые пробки, и это тупое стояние раздражало не только водителей, но и жителей, обыкновенных пешеходов, вынужденных останавливаться каждый раз перед шлагбаумом, когда по железнодорожному полотну проезжал очередной состав с грузом или с пассажирами.

А потом началось строительство моста, и не пешеходного, какой был когда-то сооружён у вокзала, а настоящего, тяжёлого, бетонного, по которому планировалось движение не только пешеходов, но и автомобилей. И вообще, новый мост открывал дорогу в будущее, которое надвигалось на маленький городок семимильными шагами, поглощая старые одноэтажные домишки и выстраивая на их месте современные многоэтажные здания. Город рос и ширился, обрастая современной инфраструктурой, а потому новая трасса была нужна позарез, как воздух.

Новый мост уже изначально стал целым событием. В город нагнали столько строительной техники и столько тяжёлых грузовых автомобилей, что посмотреть на это чудо, этот механизированный парад сбежались если не все, то почти все жители окрестностей. В начале строительства, как и положено, был заложен камень у основания будущего моста, проведён торжественный митинг, а потом закипела работа. Самосвалы привезли целую гору песка и щебня, чтобы подготовить насыпь и поднять новую трассу над уровнем домов, обеспечить плавный подъём современной магистрали к будущему мосту над железной дорогой. И, конечно же, вездесущая малышня проникала на этот новый, невиданный доселе объект, чтобы поиграть там в придуманные на ходу игры.

– Юрка, пойдём на мост играть, – именно так возникшая мысль в голове одного подростка давала установку всем пацанам, и уже через минуту целая стайка малолетних шалопаев устремлялась в мир неведомых ощущений и приключений.

Юра прекрасно помнил, как вместе с Яриком, будучи любопытными до умопомрачения, они устраивали самый настоящий экстрим, спускаясь с моста на землю по свисающему толстому кабелю, как захватывало дух от одной только мысли, что ты находишься на высоте четвёртого этажа, а под ногами ничего нет, и только приближающаяся при скольжении по отполированной поверхности полимерного каната земля заставляла с силой сжимать его в ладонях и прочнее обхватывать ногами.

– Как страшно! – думал Юра, и у него волосы на голове становились дыбом, когда он брался руками за кабель у основания и, оттолкнувшись от края бетонной плиты, начинал скользить вниз.

Но иначе было нельзя, иначе его друг, уже успевший спуститься точно таким же способом, мог посчитать его трусом, а этого допустить было никак нельзя.

Сейчас, с усилием накручивая педали на подъёме, Юра вспомнил этот случай, а ещё то, как вместе с соседскими девчонками он собирал выросшую траву в прихваченный с собой мешок. Жёсткие стебли не хотели поддаваться, и, казалось, отчаянно сопротивлялись усилию их сорвать, но истинное упорство ребятни с лихвой окупалось туго набитыми баулами.

– Валька, не надо захватывать так много, – поучал свою соседку Юрка. – Руки все изрежешь. Не спеши. Ты же видишь, что она не рвётся. Вот, смотри, как надо. Вот так и вот так.

Мальчишка с удовольствием демонстрировал, что тоже не может сорвать большой клок, а вот если не жадничать и захватить поменьше, то стебли с треском ломались и рвались, не причиняя никакого вреда. А потом они все вместе тащили набитые сорванной травой мешки домой и раскладывали её во дворе, чтобы высушить. Полученное таким нехитрым способом сухое пахучее сено складывалось в сарае, чтобы потом, когда настанет зима, и снег укутает землю, ею можно было кормить кроликов и прочую живность.

Подъём на мост закончился, и с самой верхней точки можно было наблюдать раскинувшийся внизу пейзаж с дорожной развилкой и маленькими одноэтажными домиками, точно такими же, как тот, в котором прошло детство. А дальше начинался спуск с моста, и потому крутить педали стало намного легче и веселее, да и скорость возросла до свиста ветра в ушах. Было настоящее ощущение полёта, необыкновенной радости, наполнившей душу до краёв, и только стремительное приближение к повороту на спуске заставило вернуться к реальности и направить велосипед в нужном направлении.

Юра въезжал в привычный мир своего детства. Особенно это стало ощутимо в тот момент, когда колёса велосипеда оказались на грунтовой дорожке, проходящей вдоль выстроенных в ряд старых домиков, где привычные глазу строения, сараи и редкие гаражи остались прежними. Здесь всё дышало историей ушедших лет.

Юра притормозил у самой калитки и остановился. Устройство запорной системы он хорошо знал, а потому без труда отыскал засов с внутренней стороны и отодвинул его. Калитка открылась и впустила прибывшего гостя, жалобно скрипнув несмазанными петлями. Войдя во двор, юноша вернул калитку в исходное положение и запер её на засов, а когда повернулся, то сразу заметил в окне дома Ярослава.

– Привет, – Юра взмахнул рукой, приветствуя друга.

– Заходи, – Ярик жестом указал на дверь.

Осталось только прислонить велосипед к стене у крыльца и войти в дом.

4

Обстановка внутри дома тоже мало изменилась: здесь стояла всё та же мебель, причём на своих прежних местах.

– Как же ты вырос, Юра! Тебя просто не узнать! – это мама Ярика Данута Людвиговна вышла навстречу бывшему однокласснику её сына. – Ну, просто настоящий мужчина, джентльмен. Сразу видно, учился в столице. Даже взгляд иной, не то, что мы – провинция.

– Здравствуйте, Данута Людвиговна, – Юра смущённо поздоровался.

– И куда теперь на учёбу? – продолжила расспросы женщина.

– В Ленинград, в высшее военное училище.

– Здорово! А Ярик в Гродненский медицинский институт собрался. Зубрит теперь целыми днями. Там же знаешь, конкурс какой? Вот и боимся, что провалит экзамены и не поступит.

– Да ладно тебе, мама, – вмешался Ярослав. – Совсем Юру смутила. Лучше поставь чайник, а мы пока в мою комнату пройдем, пообщаемся.

Последний раз Юра был в этом доме год назад, как раз на прошлогодних летних каникулах, и ему ещё тогда показалось, что потолок стал несколько ниже. Конечно же, это был просто обман зрения, а всё потому, что Юра только за первый год учёбы в Суворовском училище вытянулся почти на пятнадцать сантиметров, а в этом году подросток ещё. Ему даже пришлось наклонить немного голову, чтобы не стукнуться макушкой о дверной косяк.

– Осторожно, а то дверь выломаешь, – предупредил Ярослав. – Кто же знал, что ты так вымахал?

– Я аккуратненько. Впишусь, не задену, – ответил Юра. – Спасибо, что предупредил. У вас что, дом осел?

– Да нет, с домом всё в порядке. Просто кое-кто вытянулся, как телескопическая удочка, – Ярослав изобразил это руками. – Ты там у вас в училище, наверное, самый высокий?

– Скажу тебе честно: у нас все такие, – ответил Юра, когда они вошли в комнату.

Надо сказать, порядок в ней был наведён идеальный, пол вымыт, на ковре и мебели – ни пылинки, в общем, всё очень чистенько и аккуратно.

– А помнишь, как мы с тобой аскорбиновую кислоту из шкафа таскали? – Юра улыбнулся.

– Помню, конечно же. Да ты садись, – Ярослав предложил другу стул. – Куришь?

На столе, как по мановению волшебной палочки появилась пепельница, а из шкафа Ярик достал пачку сигарет и коробок спичек.

– Космос, – прочитал Юра название на пачке сигарет.

– Будешь или нет? – ещё раз уточнил Ярослав.

– Давай, – Юра взял протянутую сигарету. – А ничего, что мы тут закурим? Твоя мама ничего не скажет?

– Всё будет нормально, – заверил Ярик. – Она уже привыкла. Только пепел стряхивай в пепельницу. Потом проветрим.

Ярик по-деловому прикурил и, глубоко затянувшись, выпустил сизый дым в потолок. Для Юры же это было в диковинку. На самом деле он никак не ожидал от Ярика подобного поведения, и даже подумать не мог, что его школьный друг когда-нибудь закурит по-настоящему, а потому ничего не оставалось, как проделать то же самое, чтобы не ударить в грязь лицом. Он прикурил сигарету и сделал глубокий вдох, при котором на мгновение показалось, что дым как будто бы проходит через какое-то препятствие, перешагивая через невидимый барьер. Юре было невдомёк, что это просто его здоровый спортивный организм всеми силами сопротивляется неожиданному визиту табачного дыма, а потому не хочет его впускать на свою территорию.

Комната с низким потолком и люстрой, буквально свисающей над столом, через минуту наполнилась густым дымом, и все попытки проветрить помещение только с помощью открытых форточек, успехом не увенчались.

– Придётся распахнуть окна, – констатировал Ярослав и плотно прикрыл входную дверь. Было видно, что ему очень не хотелось, чтобы запах табака почувствовала мама.

– Помоги мне немного, а то тут заедает, – попросил Ярик, отстёгивая шпингалет на оконной раме.

Юра поднялся и помог придержать, как его просили.

– Это всё из-за перекоса, – оправдывался Ярослав. – Очевидно, попала влага, вот окно местами и разбухло.

– А ты давно куришь? – спросил Юра, когда друзья снова уселись в мягкие кресла.

– Да год уже, наверное. Сначала баловался, а потом чтобы успокоиться. Ты же знаешь, что до восьмого класса я не блистал в учёбе, вот и пришлось всем вокруг доказывать, что я не выпрашиваю оценки, а честно их зарабатываю.

Действительно, в его поведении что-то изменилось. Он за последний год заметно повзрослел, стал более задумчивым, рассудительным и степенным, чего раньше Юра в нём не замечал. Все действия школьного друга до сей поры напоминали забавы распоясавшегося шалопая, которому было доступно если не всё, то почти всё. И если большинство Юриных друзей ограничивались школьной программой, не выходя практически за её рамки, то Ярика всегда интересовало несколько больше, чем скучный объём школьных учебников. Ему всегда хотелось заглянуть за рамки этих представлений, формул и обязательных познаний. Именно поэтому он откладывал в сторону учебники и тетради и начинал экспериментировать, вооружившись незабвенным в ту пору журналом «Техника молодёжи».

Но и это ещё не всё. Эхо войны для мальчишек, не было пустым звуком. То и дело в лесу сразу за городской чертой можно было натолкнуться на раскопки и выудить оттуда если не старое, ржавое и изъеденное временем оружие, то хотя бы гильзы и патроны. Насколько помнил Юра, соседские ребята, которые были на несколько лет постарше, периодически отыскивали всё это и приносили домой. Добытый из гильз порох использовался, в основном, для изготовления пиротехники. Ярик тоже подсел на подобное производство, но не стал ограничиваться изготовлением хлопушек. Его интересовала более внушительная техника, а потому, немало провозившись над чертежами и покорпев над процессом сборки, Ярик предоставил всеобщему вниманию макет летательного аппарата, по форме напоминавшего ракету. Порох он тоже доработал и усовершенствовал, надеясь, очевидно, вывести своё изобретение если не в космос с его безвоздушным пространством, то хотя бы запустить ввысь на пару километров.

– Она точно полетит? – с сомнением спросил у Ярика один из парней.

– Точно, – заверил Ярик.

– А где будет космодром?

– В огороде.

К удивлению мальчишек, место для пуска Ярик тоже подготовил основательно, выложив будущую площадку для старта принесёнными откуда-то кирпичами. На них-то и была установлена блестящая ракета.

– Двухступенчатая! – с гордостью сообщил Ярик, а потом пояснил. – Когда догорит первая ступень, начнёт работать вторая.

Юре после таких слов захотелось надеть скафандр и очутиться там, внутри, но, к сожалению, её габариты не позволили бы это сделать, да и скафандра поблизости не было. Оставалось вместе с остальными занять место наблюдателя на безопасном от взлётной площадки расстоянии. Когда всё было готово, Ярик поджёг конец бикфордова шнура, и огонёк пламени, сжигая сантиметр за сантиметром, стал проворно приближаться к летательному аппарату. Мальчишки замерли в ожидании взлёта.

– Чёрт! Погасло, – Ярик высунул свою стриженую голову из-за валуна. – Я сейчас.

Он подбежал к ракете и снова поджёг шнур, зашипевший от нового огненного язычка, а потом вернулся в укрытие. Сделал он это вовремя. Когда огонь добрался до первой ступени ракеты, раздался хлопок, а потом было много искр и огня, спалившего и разорвавшего в клочья корпус ракеты и отбросившего первую ступень прямо на крышу покосившегося от старости сарая. Огонь тогда погасить удалось, но Ярику от родителей досталось очень сильно, так сильно, что на следующий день он не пошёл в школу. Правда, родителям не удалось отбить охоту к экспериментам у собственного чада.

Следующую ракету Ярик запускал один, без свидетелей, на колхозном поле за городом, но подробностей того запуска не знал никто, да и сам Ярик никому про этот случай ничего не рассказывал, только вот космических кораблей и иных летательных аппаратов больше не создавал и не испытывал.

Эксперименты доказали банальную истину, что прежде всего надо набраться нужных знаний и опыта, без которых продвинуться вперёд невозможно, а для начала закончить школу и подготовиться к поступлению в институт. Этот рубеж неизбежно приближался и вскоре замаячил на горизонте, подобно финишной черте на беговой дорожке, и Ярослав взялся за подготовку основательно. Прежде всего, ему надлежало подтянуть предметы школьной программы, превратив все слабые тройки в четвёрки, а ещё лучше – в пятёрки. И проявилось это рвение уже в девятом классе. О Ярике, которого раньше как ученика всерьёз никто не воспринимал, заговорили все, потому что он являл собой пример воли, выдержки и упорства. Ярославу удалось сложить все эти качества в единый вектор, и, как следствие, удивить всех, а главное – изменить отношение к себе. Теперь в школе его уже никто не воспринимал, как зарядного середнячка. Напротив, Ярик стал примером для подражания. А потом все к этому привыкли и начали воспринимать очевидное преображение, как само собой разумеющееся. Чудо было забыто напрочь, все повзрослели и обросли недетскими заботами, особенно сейчас, накануне поступления в ВУЗы.

«Так и есть, – подумал Юра о своём друге. – И ты тоже начал забывать, что совсем недавно сам был ребёнком, без забот, зато с целым возом неизрасходованной энергии».

Сейчас же бывший одноклассник и школьный друг сидел вальяжно в мягком кресле, закинув ногу на ногу, деловито пускал в потолок табачный дым, стряхивал пепел тлеющей сигареты в увесистую стеклянную пепельницу и всеми своими манерами напоминал старика.

«Интересно, а меня ты тоже так воспринимаешь?» – снова подумал Юра, но спрашивать не стал, и только поинтересовался:

– Тебе когда сдавать первый экзамен?

– Пятнадцатого июля.

– Скоро уже. А какой?

– Химию, – ответил Ярик. – Никогда не думал, что смогу осилить этот объём. Если химию сдам, то с биологией будет уже полегче.

Ярик улыбнулся, хотя его улыбка больше походила на вымученную гримасу, и попросил:

– Давай сменим тему. Хочется хоть немного забыться. Ты знаешь, а я сейчас жалею, что не стал с тобой тогда в Суворовское училище поступать. Зря, конечно. Сейчас забот не было бы, как у тебя.

– Напрасно завидуешь, Ярик, – Юра, усмехнувшись, парировал вопрос. – У меня забот не меньше, чем у тебя. Ты вот снова рядом с домом будешь: каких-то два часа на автобусе. На выходные сможешь приезжать. А я в Ленинград поеду. Туда только на поезде семнадцать часов трястись. А потом, ты ведь никогда не жил в казарме, строго по распорядку, когда туда нельзя, сюда тоже нельзя, когда ты несвободен.

Ярик ничего на это не ответил и только предложил закурить по второй.

– Давай, – согласился Юра.

Было забавно вдыхать табачный дым, выпускать его тонкой струйкой в потолок и смотреть, как он расплзается во все стороны по комнате.

– А ты кого из наших видел? – задал очередной вопрос Юра.

– Да, честно говоря, после выпускного бала ты – первый, – усмехнулся Ярик. – Я тут заперся, как отшельник. Учю.

– Ну и правильно. Я после восьмого класса, когда в Суворовское поступал, тоже почти не выходил из дома. Только вечером, и то ненадолго, чтобы мозги проветрить.

– Я тогда этого не понимал, – пояснил Ярослав. – А вот в девятом классе вдруг осенило, что такими темпами и с такими познаниями я не то что в институт, в ПТУ не попаду.

– Можно к вам, философы? – в дверь тихонько постучала Данута Людвиговна. – Хватит секретничать. Ярик, угощай гостя.

Вот так вот запросто разговор двух вчерашних мальчишек был прерван, и на столе вместо пепельницы появились горячий чай и домашние пирожки с яблоками, творогом, яйцом и луком, мясом и ещё какой-то начинкой, рецепт которой Данутой Людвиговной держался в тайне.

– А это наш фамильный секрет, – улыбнулась женщина. – Ты попробуй. Очень надеюсь, что тебе понравится, Юра. Давай-ка я тебе ещё чаю налью.

И заботливые женские руки до краёв наполнили чашку ароматным напитком. А в это время за окном в кустах и на деревьях громко щебетали птицы. За забором в соседнем огороде душераздирающе мяукал одноглазый кот, объявляя о своём появлении местным кошкам. Воздух был чистым и свежим, потому что накануне ночью прошел сильный дождь, умывший всё вокруг и обильно пропитавший землю влагой. В густой изумрудной траве стрекотали неугомонные кузнечики, рядом с ними жужжали назойливые мухи, и одинокие стрекозы, подобно крохотным вертолёткам, зависали в воздухе прямо перед окном, с любопытством рассматривая мир огромными глазами. Было чертовски хорошо и уютно.

5

Вредные привычки – дело весьма хлопотное. Их бы душить в самом начале, в зародыше, вырывать с корнем, пока они не успели прорасти и пустить свои побеги, выжигать калёным железом, камня на камне не оставляя даже в воспоминаниях! Но нет, чаще всего никто из нас даже не утруждает себя, чтобы остановиться, оглянуться и задуматься, а правильно ли я делаю, и вообще, надо ли мне всё это?

Так случилось и с Юрой. Нежданно-негаданно после визита к Ярославу он сел на велосипед и поехал к ближайшему универсальному магазину со стеклянными витринами во всю стену и массивными стеклянными дверями, способными, благодаря хитроумному механизму, открываться вовнутрь и наружу. Здесь можно было купить предметы первой необходимости, начиная с продуктов питания и заканчивая массой хозяйственных мелочей, но Юру в тот момент интересовали исключительно сигареты. Он находился под каким-то почти гипнотическим воздействием от новизны произошедшего с ним события. Его захватил сам ритуал, процесс, завожило участие во всём этом его давнего школьного друга. Недолго думая, Юра осмотрел весь прилавок табачной продукции, выложенной перед ним. Различные сорта, упакованные в разноцветные разнокалиберные со своим эксклюзивным логотипом пачки, сами просились в руки, и только маленькая надпись на каждой коробочке сурово предупреждала о том, что курение вредит вашему здоровью.

– Да знаю я! – тихо прошептал Юра. – Давно знаю.

И действительно, одним из событий, напроць врезавшихся в память с её ещё не окрепшим сознанием в пору далёкого детства, был обыкновенный учебник природоведения, раскрытый на странице с красочным рисунком лёгких здорового человека и человека курящего, по задумке авторов специально помещённых рядышком, так, для наглядности и лучшего сравнения, более детального, что ли, чтобы сразу отбить всю охоту курить. А чего только стоила фраза о том, что всего одна капля никотина убивает лошадь?

– Ясно вам? – строго спрашивала Екатерина Аксёновна, первая Юрина учительница у мальчишек класса, пытавшихся курить, выворачивая их карманы и попутно наблюдая, как из них высыпается табак. – Ведёте себя, как шантрапа! Взрослыми всё хотите казаться? И думаете, что для этого обязательно курить надо? Да нормальные взрослые не курят!

«Не курят» – Екатерина Аксёновна произносила по слогам, медленно чеканя каждый слог с периодичностью заведённого маятника.

– Дневники на стол, деяти! – приказала Екатерина Аксёновна. – И завтра с родителями в школу. Будем ваших пап и мам учить уму-разуму, а потом наблюдать, через какое место они вам будут этот разум вколачивать.

Это, конечно же, был чёрный юмор первой учительницы, но его смысл пробивал всех без исключения до мозга костей. И как же в тот момент радовался Юра тому, что не стоял в одной шеренге с попавшимися, и его родители не будут применять к нему жёсткие меры воспитательного характера с помощью ремня или других подручных средств, тоже подходящих для этих целей. Было приятно осознавать, что хлёсткие удары ремнём по ягодицам не будут сдирать с них кожу, что подобная экзекуция будет проведена с кем угодно, но только не с тобой.

Сейчас же, выросшему юноше удары кожаным ремнём по мягкому месту не грозили, хотя, если честно, то пара-тройка подобных горячих горчичников в данный момент ему бы не помешали, а скорее, наоборот. Они вправили бы на место затуманенный глубокими затяжками мозг и выбили бы из него чувство ложного восхищения чужими пороками и нездоровыми пристрастиями.

Юра чуть ли не с вождением рассматривал прилавок с сигаретами, выбирая для себя будущую покупку, а потом попросил:

– Будьте добры пачку «Космоса» и коробок спичек.

– Пожалуйста, – девушка-продавец протянула покупателю заказанный товар и сдачу.

Юра вышел из магазина и только тут осознал, что купленные сигареты некуда положить: карманов в футболке не было, а в брючный карман пачку лучше не убирать – помнётся. Пришлось поискать место в велосипедном подсумке, попутно потеснив его нехитрое содержимое – пару гаечных ключей и отвёртку, аккуратно завернутую в чистую тряпочку.

6

Короткий летний отпуск прошёл быстро и незаметно, не оставив в памяти ярких воспоминаний, кроме тех, когда Юра ходил по вечерам на танцы в парк, где играл вокально-инструментальный ансамбль, сокращённо ВИА. Только не надо путать с ВИА ГРА, ставшим популярным в начале нового тысячелетия, потому что его будущих солисток в ту далёкую пору на белом свете не было и вовсе, а их родители были юны и вряд ли мечтали о собственной популярности.

Но основной достопримечательностью на танцевальных вечерах были не сами танцы, как таковые, а кулачные стычки молодёжи район на район. Пока музыка не звучала, все спокойно стояли по сторонам, с любопытством осматривая место будущей баталии и тех, с кем сегодня придётся столкнуться.

– Добрый вечер! – произносил в микрофон солист ансамбля. – Мы рады приветствовать сегодня всех пришедших на танцевальный вечер! И свою программу начнём со знаменитой песни «Boney M» «Painting man».

После его слов под строгий ритм ударника начинали звучать аккорды любимой всеми вещи, и бас-гитара методично взрывала пространство вокруг. Пустовавший ранее центр танцплощадки постепенно начинал заполняться, образуя две непримиримые шеренги юных драчунов. Воздух буквально был наэлектризован адреналином сходящихся отрядов. Кто не желал принимать участие в потасовке, медленно отходил в сторону, а затем и вовсе отеснялся к самому ограждению. Девчонки, как и полагалось в таких случаях, в процесс не вмешивались и, подобно дамам из старинных средневековых замков, с почтительного расстояния наблюдали за баталией, за этим почти рыцарским турниром.

А в рукопашной схватке начиналось всё чинно и благородно: мальчишки смыкали свои боевые порядки, теснее прижавшись друг к другу плечами.

Это действие напоминало собой набухающие грозowymi тучами небеса, когда недавние белые облака чернели и собирались в огромную по своим размерам дождевую тучу, готовую пролиться на землю нескончаемым потоком накопившейся влаги.

Затем на середину танцплощадки выдвигались самые задиристые из мальчишек, как будто бы перед генеральным сражением, как это случалось в старые добрые времена, войска посылали друг другу навстречу по одному воину – лучшему и сильнейшему из всех.

Те, в свою очередь, не сразу нападали на противника. Находясь на расстоянии друг от друга, парни сначала танцевали, всем своим видом демонстрируя, что никто из них не боится ни находившегося напротив силача, ни всего вражеского войска, ни чёрта, ни даже тысячи чертей. И будь перед ним в тот момент даже вся армия тьмы, он сразился бы и с нею, нисколько не задумываясь о последствиях.

Закоперщики выделялись друг перед другом недолго, ровно до той поры, когда у кого-нибудь из них не сдавали нервы, и он, не выдержав чудовищного напряжения, прерывал затянувшуюся паузу и набрасывался с кулаками на соперника. Обычно мальчишки уже не ждали, чем закончится этот поединок, и обе когорты сходились, чтобы выяснить, наконец, кто сегодня сильнее и поставить точку в противостоянии.

Для Юры подобные баталии были самым настоящим открытием, подлинным открытием и полнейшей неожиданностью, потому что на танцевальных вечерах в Суворовском училище драк, конечно же, не было. Там играла музыка, кавалеры приглашали дам, знакомились, танцевали, и отношений никто не выяснял, тем более таким способом. Короче говоря, прецедентов на лютые разборки стенка на стенку и соревнований по художественному мордобою с возможными тяжёлыми последствиями никто не устраивал. Поэтому когда в сторону, где находился Юра, с улюлюканьем побежала разгорячённая толпа, юноша поначалу растерялся,

и было отчего: те, кто бежали к нему, явно не брататься собирались. Ближе всех к Юре оказался какой-то парень в расклешённых джинсах, синих кедах и рубашке с закатанными по локоть рукавами.

– А! Козёл! – выкрикнул нападавший и сходу попытался пнуть Юру ногой в живот.

Юрка инстинктивно уклонился от удара в сторону и, захватив рукой ногу противника прямо под пяткой, дёрнул её вверх что было сил. Парень по инерции пролетел вверх и немного вперёд и шлёпнулся спиной, а затем ударился затылком о деревянный настил танцплощадки.

– Твою мать! – закричал он, корчась на земле от боли.

– Нормально, чувак! – крикнул Юре кто-то в ухо. – Дай я!

С этими словами кулак соседа врезался в физиономию очередного нападавшего, а потому из разбитого носа мальчишки пошла кровь, и он, схватившись обеими руками за лицо, тут же присел на корточки.

– Пусти! – этот крик привлёк внимание всех дерущихся.

Один из мальчишек решил изобразить нечто умопомрачительное из техники рукопашного боя и разогнался для прыжка. Только вот удар ногой в прыжке с разбегу у него не получился, а его полёт скорее напоминал финт «ножницы», который используют начинающие прыгуны в высоту, чтобы преодолеть установленную планку. Приземление тоже было неудачным: опорная нога скользнула вперёд, и парень упал прямо под ноги торжествующего неприятеля. Потом беснующаяся толпа, воодушевлённая красочным падением ненавистного врага, с упоеанием его топтала, пока не подоспела помощь. А потом этот акробат, весь в синяках, ссадинах и кровоподтёках, рассказывал собравшимся вокруг него барышням, как он в одиночку прославил гордое имя «Слобода», расправившись с целой толпой ненавистных центровиков, и как те с позором бежали, испугавшись его звериных прыжков и отточенных до автоматизма ударов ногами. А позже он гордо шёл по городу в сопровождении двух самых красивых девушек, сияя от счастья и помогая освещать путь заработанными тёмно-лиловыми фингалами под обоими глазами, и искренне радовался тому, что сегодня не попал в милицейский «воронок» с железными дверями и решётками на мизерных окнах.

Юра этого прыгуна знал, потому что когда-то учился с ним в одной школе, правда, в разных классах, и очень удивился, увидев его в роли такого резвого бойца, потому что, будучи учеником, тот был, что говорится, тише воды и ниже травы и не мог обидеть даже мухи.

– Что делает с людьми половое созревание! – воскликнул бы взрослый, умудрённый маломальским опытом человек.

Драка продолжалась ещё минут пять, ровно до той поры, пока к танцплощадке не подъехали сразу две милицейские машины, и сотрудники правоохранительных органов не стали хватать сначала дерущихся, а потом и вообще, кого попало, и набивать ими фургоны, как консервные банки шпротами.

– Давай, забирайся, не рассусоливай! – подгонял на входе в фургон милицейский старшина дядя Саша, как его все вокруг величали, а самым тормознутым и строптивым придавал ускорение резиновой полосатой дубинкой, после которого хлопчатобумажные брюки лопались в месте удара пополам.

– Двери закрываются, уроды! – произносил дядя Саша, профессионально оценив, что в кузов больше не втиснуть никого, даже кошку, даже при всём желании.

После этих ласковых слов не обременённого интеллектом гиганта в форме и при исполнении дверь надёжно запиралась, щёлкнув для уверенности замком, а дядя Саша поворачивался лицом к тем, кто пока ещё оставался на свободе и торжественно заверял:

– Мы ещё приедем, так что не прощайся.

– Ага, так мы тебя и испугались! – выкрикнул из притихшей толпы самый задиристый.

– Ты следующий! – дядя Саша указал жезлом в сторону крикуна.

– А вот этим, – гигант вскинул жезл над головой и потряс им так, как будто бы хотел перемешать полоски, – ты получишь по жо...

Последняя фраза старшины утонула во всеобщем хохоте и свисте. С красным, как раскалённое железо, лицом с выкатившимися крупными каплями пота дядя Саша с трудом втиснулся в кабину грузовика и скомандовал:

– Трогай!

Но советская машина с первого раза не слушалась даже умелых рук водителя. Первая скорость включаться не желала, а со второй трогаться с места было опасно. Могло получиться, как в прошлый раз, когда взревевший на несколько секунд мотор заглох, и перепачканный водитель чуть не взвыл от собственного бессилия устранить неисправность.

– Семёныч, ты что, рычаг переключения передач решил выломать? – спросил у сержанта дядя Саша, отчего последний и вовсе растерялся, а потому всем своим видом стал похож на провинившегося ошипанного воробья.

– А ну, давай аккуратно, а то и на самом деле сломаешь, – посоветовал водителю гигант.

Тот, немного успокоившись, наконец-то умудрился воткнуть рычаг в нужное положение и, газанув для надёжности два раза, медленно отпустил педаль сцепления. Автомобиль, недовольно фыркнув на прощание, медленно повёз арестантов в сторону ближайшего отделения милиции.

– Козлы! – возмутился один из парней. – Опять всех побьют.

– Как это? – удивился Юра.

– А то ты не знаешь! – воскликнул парень. – Выгрузят всех в отделении, и по почкам, по печени, а могут и по морде съездить, если не понравишься.

– Так это же милиция! – Юра опешил окончательно. – Они же наоборот, защищать должны.

– Чувак, ты с какой планеты? – пришла очередь удивляться собеседнику. – С Марса, что ли? То-то я смотрю, странный ты какой-то, не похож на наших придурков.

И что тут было возразить, и как здесь было объяснить этому говоруну, что ты два года учился в Суворовском училище, где порядок, дисциплина и отцы-командиры, у которых не забалуешь? А на такие вот дикие танцы ты и вовсе попал впервые.

Юра ничего не стал говорить и лишь задумался, пока было спокойно, о несовершенстве мира, путаности понятий и ядовитом бардаке, в котором оказался вопреки собственным ожиданиям и настроению.

– Наш танцевальный вечер продолжает новая песня «Заболела бабушка», – звонким голосом объявил солист ансамбля.

Зазвучали аккорды, и нехитрая мелодия поглотила всё внутреннее пространство танцпола, а вечернее эхо разнесло эту мелодию во все уголки уютного парка.

– Заболела бабушка – вот беда! – пел солист.

– А куда без бабушки? Никуда! – пищали довольные девчонки, а сами тем временем внимательно рассматривали оставшихся после побоища и вмешательства правоохранительных органов кавалеров.

Чудес на свете не бывает, как и не бывает на свете волшебников, тех, кто может одним взмахом руки с зажатой в ней волшебной палочкой совершить это чудо. С возрастом любой из нас понимает эту истину всё больше и больше, и годам к десяти мы перестаём верить в настоящего Деда Мороза, обнаруживая под ватной бородой и ватными усами с красным носом лицо своего родителя, а ещё через пару-тройку лет и вовсе все мысли о колдунах и магах перемещаются в область сказок, с которыми рано или поздно приходится расставаться.

Однако сегодня, когда те, кого десять минут назад под противный вой сирены и яркое мигание синего проблескового маячка увезли в милицию, как минимум, до утра, снова появи-

лись на танцевальном помосте, подобно ожившим призракам, всем вокруг пришлось удивиться и поверить в чудо.

Центр танцплощадки опять стал заполняться воинственно настроенными драчунами, и буквально через минуту стало ясно, что численный перевес теперь у противника.

– Вновь деревья надели
Свой прощальный наряд,
Словно кто-то затеял

Золотой маскарад, – это солист затянул следующую песню, зазвучавшую на танцполе, как боевой клич.

Благодарная публика не стала долго ждать и немедленно включилась в новый батальный раунд, в котором сильнейшая сторона размазала своих соперников по стенке, навешав оплеух и от всей души надавав пинков и подзатыльников, доказывая своё превосходство и доминирующее положение. Юре тоже досталось, хотя сопротивлялся он изо всех сил и успел вмазать, как минимум, двум самым надоедливим по физиономии, остудив тем самым их воинственный пыл.

А потом танцы закончились, и в полночь все потянулись по домам через зелёный и уютный парк с его аккуратным асфальтовыми дорожками и покрашенными в белый цвет бордюрами. Повсюду были слышны мальчишечьи голоса и девичий смех.

– Ай! Хватит уже! Я всё понял! – услышал Юра откуда-то из-за кустов.

– Васька, дай ему ещё! – крикнул кто-то возбуждённо.

Были слышны какая-то возня и сопение.

– Не удивляйся, – улыбнулся Юрин друг Сергей, поясняя ему царящие здесь нравы и обычаи, которые были сродни культовым обрядам диких племён. – Это центровые кому-то из приезжих мозги вправляют, воспитывают, чтобы в следующий раз вёл себя прилично. И не волнуйся, убивать и калечить никого не будут. Так, попинают слегка, и всё. У нас с этим строго.

Странная возня осталась позади, а Юра вместе с друзьями подошёл к воротам парка, где на самом входе застрял безнадежно заглохший милицейский фургон с решётками на окнах. Этим и объяснялось внезапное повторное появление целого отряда увезённых с танцев пленников. Дядя Саша в очередной раз сделал глупую попытку конвоировать хулиганов до отделения пешком, и в который раз мальчишки, как по команде, дружно от него удрали, разбежавшись в разные стороны.

– Бог в помощь, дядя Саша! – кто-то весело крикнул из толпы.

– Проваливайте! – старшина только устало махнул рукой на прощание. – Переловлю всех в следующий раз.

7

Езда на велосипеде по узким улочкам маленького города, танцы по вечерам в парке культуры и отдыха, мальчишеские тусовки со смехом, песнями под гитару и бесконечной чередой весёлых разговоров откатились в прошлое до лучших времён, сохранившись в памяти, подобно сновидению или просмотренному недавно кинофильму с незамысловатым сюжетом. Сейчас же этот сюжет сменился на другой, и у Юры было такое чувство, как будто невидимый режиссёр крутит дальше всё тот же фильм, но уже другой его эпизод. Этим и объяснялась смена декораций и даже корректировка характера роли главного героя, чудесным образом переодетого в военную форму зелёного цвета с чёрными курсантскими погонами, шевроном с эмблемой войск артиллерии и золотыми пушечками в петлицах кителя.

Юра ехал в купейном вагоне скорого поезда, несущего пассажиров на всех парах в город Ленинград, а его соседями по купе оказались два полусонных курсанта из Львовского училища, убывающих в очередной отпуск к себе на родину, и женщина, собирающаяся выходить задолго до прибытия состава на конечную станцию. Эта тревожная особа безостановочно осматривала все свои вещи, судорожно перебирая их, бесконечно упаковывая и складывая, чтобы ничего не забыть. Одних только чемоданов у неё было целых три, огромных и, на первый взгляд, совершенно неподъёмных, и из каждого из них исходил непередаваемый аромат вкуснейшего украинского сала. На самой женщине от волнения и переживаний не было лица: по всей видимости, она не сомкнула ночью глаз, охраняя своё добро, чтобы, чего доброго, никто из попутчиков не съел всё это богатство под разливаемую в гранёные стаканы водку. На какой-то маленькой станции она вышла вместе со своим барахлом. Встречал её небольшого роста худой мужчина, и было удивительно и смешно наблюдать, как он схватил сразу все три чемодана и легко вынес на перрон. Наверное, если бы была возможность, то он вместе с чемоданами вынес бы и тётку, а может быть, и не стал бы этого делать, справедливо рассудив, что до выхода из вагона его женщина доберётся самостоятельно.

Юра смотрел в окно на эту парочку, стоявшую на перроне в окружении множества вещей и не спешившую уходить оттуда, как будто бы их обоих не отпускали какие-то незавершённые дела. В блёклом свете уличных фонарей было видно, что женщина что-то убедительно рассказывала, сопровождая каждый из эпизодов своего изложения соответствующей жестикуляцией. Мужчина стоял напротив, немного ссутулившись, и молча слушал рассказ своей боевой подруги. Затем он обнял её, заключив в цепкие объятия своих жилистых рук, и чмокнул в щёку.

– Любовь, блин, – раздался неожиданный возглас с верхней полки.

Это проснувшийся курсант Львовского училища сделал такое умозаключение.

– А я уже было подумал, что кроме охраны тонны сала эта тётка ни на что больше не способна, – продолжил он. – Она же прошлую ночь не спала совсем. Всё сидела в обнимку с ценным грузом. Можно подумать, что мы на её сало позарились бы!

Он медленно и осторожно спустился вниз и подсел к окну. Поезд тем временем отправился в путь, постепенно набирая скорость, оставив позади перрон с маленьким вокзалом и двумя обнявшимися людьми, мужчиной и женщиной, продолжавших писать историю своих взаимоотношений, где предостаточно места любви и обыкновенному человеческому счастью.

– Так ты, значит, в Ленинград на учёбу едешь? – спросил курсант у Юры. – А звать-то тебя как?

– Юра.

– Очень хорошо, – курсант кивнул головой. – А меня Николаем зовут, но для тебя я просто Коля.

– А его, – Николай сделал взмах рукой, указав на спавшего соседа на другой верхней полке, – Валентином кличут. Но если ты его Валею будешь называть, он не обидится.

Николай сладко потянулся, подняв руки над головой и даже издал звук, похожий на:

– Ы-ы-ы!

– А ты давно к нам подсел? – задал он следующий вопрос.

– Да часа три уже будет, – ответил Юра.

– Ну что же, хорошо, – Николай открыл чемодан и извлёк из него бутылку «Столичной». – Закусь-то у тебя имеется? А то мы свои запасы уже подчистили, а покупать здешнюю еду опасаемся.

– Есть кое-что, – с этими словами на маленьком столике появилась запеченная курица, варёные яйца, огурцы с помидорами, хлеб.

– Да тут на целый взвод хватит. – обрадовался Николай.

Он встал в узком проходе купе между полками и начал бодро трясти своего друга за плечо.

– Кушать подано, сэр! – сказал он Валентину в самое ухо. – Прошу к столу!

Тот не стал возражать и сразу же проснулся под аппетитное приглашение.

– Валентин, – представился он Юре, пожал руку и занялся поиском ботинок.

– Да вон они стоят, под столом.

– Спасибо, Коля, ты – настоящий друг: всегда подскажешь, что да как, – Валентин обулся и зашнуровал ботинки.

– Я сейчас, – сказал он после этого. – Надобно руки помыть перед трапезой.

– И мне, – согласился Николай.

После чего они дружно вышли из купе, оставив ненадолго Юру одного.

За окном в сгустившихся сумерках мелькали деревья бесконечного и бескрайнего леса, мимо которого поезд проносил вагоны с пассажирами, каждого со своей судьбой и собственными заботами.

Вышедшие из купе курсанты действительно вернулись очень быстро. От них исходил терпкий запах хозяйственного мыла и табака.

– Перекурить успели, – решил Юра.

– Оба-на! Еда на месте, водка тоже на месте. – констатировал Николай. – И мы втроём. Стало быть, сообразим.

– Открывай, – он протянул бутылку водки Валентину, а потом, повернувшись к Юре, заметил. – Водку открывает всегда он. Спец. Ни разу ещё не пролил и не выпустил пузырь из рук.

– Мне ровно пять граммов, – попросил он у Валентина, заметив, что тот уже приготовился разливать горячительное.

Недрогнувшей рукой стаканы были наполнены на треть.

– Ну, давайте за знакомство, – Николай поднял свой стакан и, чокнувшись с новым и старым другом, залпом проглотил содержимое.

Юра следом проделал то же самое, на мгновение почувствовав, как прохладная жидкость обожгла всё внутри, а потом побежала по жилам нескончаемым теплом.

– Ты вот что, закусывай, а то поплывёшь, – подсказал Николай, и, оторвав куриную ножку, положил её перед своим новым другом на салфетку. – И помидорчик съешь. Он поможет пожар в желудке потушить.

И действительно, в голове начали происходить какие-то перемены, тревога и грусть сами собой куда-то улетучились, и стало весело. Минут через десять Юра был уверен, что лучше парней, чем эти двое, он никогда в своей жизни не встречал, тем более что они совмещали в себе целый набор потрясающих качеств, и были заботливыми, весёлыми, лихими, смелыми

и даже немножко скромными. Ну, во всяком случае, так показалось после часа знакомства и выпитой бутылки водки.

– Так, мне чуть-чуть, пять граммов, – напоминал каждый раз Николай, когда его друг разливал по стаканам очередную порцию.

– Положись на меня! – уверял Валентин. – Я всегда контролирую ситуацию.

– Молодец! Но всё равно, не спеши, а то уплыву, и будет, как в прошлый раз, – напомнил Николай.

Что было в прошлый раз, чего опасался курсант Львовского училища, Юра так и не узнал, зато под мерный стук вагонных колёс с интересом выслушал другую историю.

8

В человеческой памяти немало места отведено повествованиям, которые уже на первых порах обрастают всевозможным домыслами и слухами, за которыми стираются грани реальности, и маленький, ничем не примечательный доселе рассказ превращается в самый настоящий сказочный миф или в невероятную легенду, якобы имевшую место на самом деле. Причём каждый рассказчик (а ведь не надо забывать, что легенда передаётся из уст в уста) добавляет в её содержание массу пикантных подробностей от себя, рождая на свет перед изумлённым слушателем новую версию случившегося.

На этот раз уникальным рассказчиком подобной истории был самый говорливый из двух курсантов – Николай. Разместив в своём измученном долгим странствием организме очередные пять граммов водки, и закусив сочной мякотью спелого помидора, он вдруг спросил у Юры:

– А ты знаешь, чем отличается Львовское училище от других?

С этим вопросом он вперил усталый взгляд покрасневших глаз на собеседника и, не дождавшись ответа, продолжил:

– Не знаешь. А ведь я могу рассказать. Только ш-ш-ш. Ни звука!

Николай приложил указательный палец к губам, явно предупреждая, что информация будет почти секретной и не предназначенной для всяких там ушей незрелого гражданского населения.

– Совсем недавно в училище произошёл случай, когда нашего курсанта порезали ножом в парке на танцах, – заговорщицки начал Николай, а Юру буквально передёрнуло от этих слов, потому что за всё время его отпуска на танцевальных вечерах в родном городе никогда не случилось поножовщины.

Юра весь обратился в слух и внимал необычную историю о том, как раненый курсант с дыркой в животе и окровавленном обмундировании, собрав в кулак волю и остатки сил, добрался через весь город в родное училище и поднялся к себе в роту. Он успел рассказать дневальному и дежурному, что с ним произошло, и потерял сознание.

Немедленно вызванная машина скорой помощи отвезла раненого в госпиталь на операцию, а в роте тем временем стали нарастать нервозность и напряжение, переросшие в самый настоящий взрыв.

ЧП в городе случались и в былые времена, но такого, как в этот раз, не было никогда. Драки с воинственно настроенным гражданским населением на родине батьки Махно и Степана Бандеры происходили и раньше, но чтобы они заканчивались таким неутешительным финалом – этого никто припомнить не мог!

– Гришку порезали! – в сердцах крикнул один из курсантов. – Гришку! Моего друга!

Парнишка съехал с катушек окончательно и никак не мог успокоиться.

– Дайте мне автомат! – закричал он в запале. – Я с этими бандеровцами недобитыми сам посчитаюсь.

– Петя, успокойся! – курсанта попытались унять, но из этого ровным счётом ничего не вышло.

Он вцепился обеими руками в решётку оружейной комнаты, где хранились автоматы, и казалось, ещё немного, и массивная железная конструкция не выдержит и разлетится к чёртовой матери. Общими усилиями его руки всё же удалось оторвать от прутьев.

– Пустите меня, трусы! – плакал навзрыд Петя. – Я так пойду! Я их голыми руками передушу.

– Мужики! – крикнул кто-то из курсантов. – Надо что-то делать.

– Его не удержать! И одного отпускать нельзя. Убьют, – согласился самый рассудительный. – Я с ним пойду.

– И я!

– И я!

– Никуда вы не пойдёте! – в разговор вмешался старшина роты. – Во всяком случае, без меня.

– Дежурный! – скомандовал он резко. – Строить роту!

– Рота! Строиться! – звонкий голос дежурного прозвучал в стенах казармы, как набат, заставив всех, и даже курсанта Петю, успокоиться и занять свои места в строю.

– Равняйся! Смирно! Равнение на середину! – скомандовал дежурный и повернулся с докладом к старшине. – Товарищ старшина! Пятая рота по вашему приказанию построена!

– Повзводно получить оружие и выходить на плац на построение! В казарме остаётся только наряд.

– Есть! – дежурный по роте отдал честь. – Рота! Напра-во! Получить личное оружие!

Через десять минут пятая рота с оружием повзводно была построена на плацу, но каково же было удивление курсантов, обнаруживших, что другие подразделения тоже выходят на плац, и тоже с оружием. В полном неведении от происходящего был только один военнослужащий, старый служака, полковник Селезнёв. До вечерней поверки оставалось чуть больше часа, а потому он сидел в комнате дежурного по училищу и читал «Устав внутренней службы», настольную книгу любого кадрового военнослужащего, лишь изредка поднимая глаза и устремляя свой взор в окно на несменяемый пейзаж внутренней территории училища с пустынным заасфальтированным плацем. Эта серая картина представляла перед его глазами каждое дежурство, а потому, чтобы не отупеть от безразличного однообразия военно-строительной архитектуры, полковник Селезнёв читал. Каково же было его удивление, когда, выглянув в очередной раз в окно, он обнаружил личный состав, вышедший на построение. Полковник так растерялся, что не сразу заметил в руках курсантов оружие.

– Часы барахлят, что ли? – спросил сам себя Селезнёв, взглянув на циферблат наручных часов.

Он поднёс запястье руки к уху и прислушался: часовой механизм безупречно работал, издавая привычное «тик-так».

– Тогда что за чёрт? – спросил он уже вслух и тут же услышал, как хлопнула входная дверь штаба, и на пороге появился помощник дежурного по училищу капитан Дымов с красной повязкой на рукаве и такого же цвета лицом.

– Товарищ полковник! – чуть переведя дух, начал помощник. – Разрешите обратиться.

– Разрешаю.

– Личный состав училища с оружием выходит на построение на плац, – доложил помощник.

– А кто отдал приказ на получение оружия? – Селезнёв развёл руками. – Это что за смехопанорама?

Он не стал ничего больше говорить, схватил фуражку с вешалки и, торопливо водрузив её на свою голову, вышел из комнаты дежурного.

– Товарищ полковник! – чуть не выкрикнул ему вслед помощник, и только услышал в ответ. – Остаёшься за меня!

Входная дверь штаба громко захлопнулась, противно загудев стальной пружиной, и уже в окно Дымов наблюдал, как дежурный по училищу тщетно пытался остановить марширующие повзводно подразделения.

– Раз, раз, раз, два, три! – командовал пятой ротой старшина. – Левое плечо вперёд марш!

– Товарищ старшина! – полковник Селезнёв у самых ворот попытался перекричать старшину.

– Рота! Смирно! Равнение направо! – отдал очередной приказ старшина.

Пятая рота по команде перешла на строевой шаг. Казалось, что земля задрожала от такой выправки и слаженности.

Тем временем зазвенели открывающиеся ворота, и через них мимо изумлённого дежурного по училищу и растерявшегося наряда по контрольно-пропускному пункту пятая рота вышла за территорию училища, а за ней так же слаженно проследовали другие подразделения.

– Рота! Бегом! Марш! – команда старшины прозвучала в вечернем тёплом воздухе, как гром среди ясного неба, громко и раскатисто.

Курсанты роты по команде, как единый отлаженный механизм, сначала приняли положение для готовности к маршу, а затем одновременно, как это делают синхронистки по плаванию, устремились в едином боевом строю по нагретому асфальту в центр города, ведомые своим командиром. На бег перешло всё училище, и полковнику Селезнёву ничего не оставалось, как возглавить боевую колонну. Так и бежал он перед строем курсантов рядом со старшиной пятой роты с пистолетом в правой руке, воскрешая в памяти случайных прохожих бесмертный подвиг комиссара Клочкова.

– Милок, ты часом не знаешь, куда это солдатики бегут? – вопрошала старушка у соседа.

– А чёрт их разберёт, бабка, – пожал плечами сосед. – Может на учения, а может и...

Тут он замолчал, с трудом соображая, куда это строем, да еще с оружием в руках бежит столько народу в форме, а потом с наступившим озарением выдохнул:

– Мать честная, а у меня ведь ни соли, ни спичек про запас. Хорошо, если пяток коробков найдётся, а если и того нет?

– Беда, бабка! – он схватил старушку за плечи. – Ты как знаешь, а я с самого утра в магазин.

Бабуля только испуганно перекрестилась, а в городе на следующий день были раскуплены все спички и соль. Доверчивый народ готовился к самому худшему – к войне.

Но это случилось завтра, а сегодня Львовское высшее военно-политическое училище, пробегая строем в ногу по тихим улицам вечернего города, неумолимо приближалось к центральному парку, где неспешно гулял народ, а подвыпившая молодёжь резвилась под музыку на танцплощадке. Среди них был и тот, кто час назад ударил ножом в живот курсанта пятой роты, ударил подло, исподтишка, в тот момент, когда юноша не ожидал этого удара. Да и как можно было среагировать на удар ножом, когда на тебя с разных сторон налетает подвыпившая заведенная толпа, спровоцировавшая эту грязную драку, а по своей сути – избиение безоружного в тот момент, когда он один?

– Мама, смотри! – маленькая девочка, выпустив от удивления красный воздушный шарик из своих крохотных ручек, указала на бегущую колонну курсантов.

Через минуту главная парковая аллея заполнилась вся от входа и до самой танцплощадки несмолкаемым топотом сотен сапог и разгорячённым дыханием людей в форме, которым понадобилось совсем немного времени на то, чтобы, оттеснив от ограждения гражданское население, окружить танцпол.

– И чтобы муха не пролетела! – скомандовал старшина.

Танцплощадка была окружена по всем правилам двойным кольцом.

– Отставить музыку! – приказал старшина ансамблю. – Оркестр и девушек просим организованно покинуть танцплощадку.

Повторять не пришлось. До корней волос почувствовав серьёзность намерений подошедших в разгар общего веселья военных, барышни и музыканты спешно покинули пределы опасной территории, предоставив и её, и оставшееся на ней мужское население для проведения в жизнь экстренных мер воспитательного характера, последовавших незамедлительно. Все парни прикладами автоматов были уложены на деревянный настил.

– Пристрелить бы вас всех, уродов, но пока и этого хватит, – в сердцах воскликнул курсант Петя, чьего друга всего лишь час назад порезали ножом именно здесь, а потом от души пнул в живот какого-то парня, пытавшегося угрожать скорой расправой.

– Ты ещё скажи, что месть твоя будет страшна, дерьмо собачье! А ну, вставай! – Петя за грудки поднял обидчика на ноги. – Давай, попробуй мне отомстить.

И лишь только парень попытался ударить Петю, то нарвался на встречный удар и, потеряв сознание, снова завалился на пол.

– Только и можете, что вдесятером на одного, – прошипел Петя. – Козлы драные!

Когда с экзекуцией было покончено, курсанты построились поротно и походным маршем организованно вернулись в училище.

Парк погрузился в тишину, изредка прерываемую стенаниями и вздохами. Очевидцы поговаривали, что только выбитых зубов набрался целый мешок, а уж синяков и ссадин, наставленных прикладами автоматов и тяжёлыми кирзовыми сапогами с металлическими подковками, и вообще было не счесть.

Ранним утром следующего дня задолго до подъёма училище было поднято по тревоге и построено с оружием на плацу. Рассвет ещё не успел наступить и наполнить живительным солнечным светом землю, а потому выстроенные по ранжиру подразделения были похожи на памятники воинам-освободителям. Личный состав ожидал самого худшего: всевозможных дисциплинарных взысканий, перечисленных весомым перечнем в Уставе внутренней службы.

– Равняйся! Смирно! – скомандовал заместитель начальника училища, стоя перед строем. – Равнение на середину!

Печатая каждый шаг, полковник Удовченко пошёл на доклад, а приблизившись к начальнику училища, остановился перед ним в двух шагах и громко доложил:

– Товарищ генерал-майор! Львовское высшее военно-политическое училище по вашему приказанию построено. Заместитель начальника училища полковник Удовченко.

Генерал молча выслушал своего подчинённого, а затем повернулся лицом к строю. Он смотрел на застывший, как изваяние, личный состав и молчал. Курсанты в строю не смели шелохнуться, и в наступившей тишине при полном безветрии казалось, что можно услышать биение сотен сердец.

– Вчера вечером около двадцати двух часов курсанты нашего училища организовали самую настоящую экзекуцию, избивая мирное население города Львова в парке культуры и отдыха, в результате которого пострадало более пятисот человек, доставленных впоследствии в лечебные учреждения, – начал генерал. – Это как называется? После вашего визита в парк весь стационар забит и переполнен покалеченными. Бинтов, йода и медикаментов не хватает, чтобы оказать помощь всем раненым. Кто-то умудрился накапать западным корреспондентам, и теперь «Голос Америки», не смолкая, передаёт эту новость во всех красках.

– Сверху... – генерал сделал небольшую паузу, – поступил приказ наказать всех виновных, а к зачинщикам принять самые строгие меры вплоть до отчисления из училища. Одним словом, прославились и проштрафились.

Генерал снова замолчал, очевидно, выжидая, чтобы его слова дошли до каждого курсанта, даже до самого толстокожего.

– А сейчас тот, кто участвовал вчера в избивании гражданского населения, два шага вперёд! – скомандовал начальник училища, и царящую вокруг тишину разрезали два строевых шага, синхронно выполненные всеми военнослужащими.

Генерал смотрел на своих подчинённых и внезапно почувствовал, как в груди у него что-то сжалось, и нахлынувшие чувства чуть было не взяли верх, заставив всерьёз заволноваться, глядя на ребят, готовых быть трижды наказанными и даже отчисленными из училища, но не посрамившими высокое звание курсанта и, как следствие, будущего офицера. Именно эти

мальчишки, не задумываясь, готовы идти на смерть, бесстрашно смотреть ей в глаза, а потому побеждать.

– Училище, равняйся! Смирно! – в голосе начальника от охватившего волнения появилась хрипота. – За поддержание высокого морального духа и проявленные мужество и взаимовыручку объявляю всем благодарность!

Курсанты сделали глубокий вдох и, набрав полные лёгкие воздуха, одновременно выпалили:

– Служим Советскому Союзу!

– Так закончилась эта история, – подытожил свой рассказ Николай и потянулся за сигаретами. – Пойдём, покурим.

– Пойдём, – согласился находившийся под впечатлением Юра.

Потом они втроем долго стояли в тесном, прокуренном до основания тамбуре, выпуская в потолок горький дым, и наблюдали, как за окном мелькают шпалы, а бесконечные рельсы, сливаясь вдаль в одну сплошную линию, торжественно исчезают за горизонтом. А Юрино воображение продолжало рисовать застывший строй военного училища и почему-то голые деревья, скинувшие свой наряд от яростного унисона курсантских голосов.

9

Сентябрь в Питере выдался крайне дождливым. Он пришёл на смену августу, в одночасье заменив безобидную безоблачную картину другой. Это случилось, когда в летнюю изумрудную лазурь синего неба было добавлено несметное количество серой краски, настойчиво и основательно занявшей всё видимое пространство. Дождь шёл сутками, прекращаясь лишь изредка и ненадолго, а потом снова обрушивался нескончаемыми потоками на разбухшую от влаги землю.

Из окна учебного корпуса Юра наблюдал, как в грязи у самого забора с лопатами в руках копошились солдаты срочной службы под руководством младшего сержанта, которому явно не хотелось мокнуть, а потому он стоял под козырьком деревянной беседки и оттуда давал ценные указания своим подчинённым, как и куда отбрасывать землю, чтобы поскорее засыпать траншею нахрен! Вот только поскорее засыпать как раз и не получалось.

– Воин, ты что, спать сюда пришёл или работать? – громогласно вопрошал сержант, попутно добавляя в свою речь атомную смесь витиеватых выражений, совершенно не предназначенных для широкого круга пользователей.

– Наберут детей в армию, а что делать, не скажут, – в сердцах чертыхался он далее. – Что ты её поглаживаешь? Это тебе не девушка, а лопата!

– Коцоев, блин, я кому говорю? – сержант сплюнул на землю. – Аул далеко, и ишаков здесь нет, так что ишачить придётся тебе. Чемодан, ишак, кишлак – всё это увидишь только через два далёких и незабываемых года, если доживёшь!

Он внезапно замолчал, потому что на горизонте появился дежурный по училищу в мокрой плащ-накидке.

– Что замерли, как статуи? – спросил младший сержант у подчинённых, как только дежурный по училищу завернул за угол и скрылся из виду. – А ну, всем пахать! Солнце ещё высоко!

Темп работы заметно возрос то ли из-за непрекращающегося дождя и желания поскорее убраться отсюда, то ли из-за словоблудия непосредственного начальника с его дельными советами и замечаниями на любой вкус. Земля вперемешку с камнями, мусором, вырванной травой и грязью активно забрасывалась в траншею штыковыми лопатами: именно таким варварским способом была бесславно загублена идея строительства водовода, ведь именно на её воплощение в жизнь ушёл целый месяц упорного труда не одного десятка людей.

Юра знал это не понаслышке, потому что и сам в течение августа день за днём, с утра до позднего вечера, включая субботу и воскресенье, трудился над тем, чтобы сделать траншею глубже и ровнее, потому что «трубу сгибать нельзя» и она «должна чётко лечь на самое дно».

Руководил всем ходом данной операции прапорщик Зажигов, уроженец города Саратова. Среднюю школу Зажигов с трудом закончил десять лет назад и сразу же был призван в вооружённые силы, где дослужился до звания старшего сержанта и ровно через два года службы в дивизионе обеспечения учебного процесса Высшего военно-политического училища, с удовольствием остался на сверхсрочную службу. Звание прапорщика он получил ещё через два года и очень гордился тем, что полоски на его погонах волшебным образом трансформировались в маленькие пятиконечные позолоченные звёздочки.

Дивизион обеспечения учебного процесса, сокращённо ДОУП, стал для него вторым домом, а потому большую часть времени Слава Зажигов проводил в казарме, обучая и воспитывая личный состав. Он по праву считал себя старожилом данного подразделения, потому что за истекшее десятилетие только командиров сменилось целых три. В который раз полностью поменялся весь офицерский состав, а прапорщик Зажигов по-прежнему оставался на том же месте в должности помощника командира четвёртого взвода. В его подчинении находился

целый взвод, все тридцать военнослужащих срочной службы, только вот ответственность за их здоровье, обучение и воспитание он не нёс почти никакой, и потому все шишки традиционно сыпались на бедную голову командира взвода, минуя черепную коробку бравого помощника. Прапорщику же доставались только лёгкие замечания, каждый раз не имевшие под собой ни малейшего основания, как считал сам Зажигов.

– Что рожа сонная у тебя такая? – задавал прапорщику вопрос командир дивизиона полковник Усачёв и, не дождавшись ответа, делал умозаключение. – Наверное, у стенки спал сегодня? Не мог через жену перелезть? Ладно, молчи уж, а то опять какую-нибудь глупость сморозишь.

Прапорщик молча сносил обиды, по привычке списывая их в разряд тягот и лишений воинской службы, которые он, как и все военнослужащие, обязан был стойко преодолевать.

Но в этом году задул ветер перемен, нарисовавший перед Зажиговым самые радужные перспективы в виде нового воинского звания – старший прапорщик, а потому рутинные каждодневные обязанности обрели долгожданный материальный стимул. Из памяти незамедлительно были вычеркнуты все старые обиды, а командир дивизиона в одночасье превратился из исчадия ада в боевого товарища и отца родного.

– Вот что, Славик, – вот так вот по-простому обратился полковник Усачёв к прапорщику Зажигову. – Я давно к тебе присматриваюсь и пришёл к выводу, что лучше тебя с этим заданием никто не справится. Ты знаешь, какое время наступает?

Чтобы не путаться в мыслях о времени, прапорщик весь обратился в слух, причём это было так заметно, что Усачёву на миг показалось, что даже на черных начищенных до парадного блеска голенищах хромовых сапог его подчинённого вдруг выросли уши.

– Закуривай, – командир предложил Славику сигарету, и пока тот дрожащими от волнения пальцами рук пытался прикурить, продолжил. – Начинается август, а в августе приедут кадеты, выпускники суворовских военных училищ. Это страшная сила, Слава, особенно, когда они вместе, и особенно тогда, когда они ничем не заняты. Понимаешь, куда я клоню?

Прапорщик машинально кивнул головой, не смея возражать командиру и, одновременно с этим, не желая показывать, что он ровным счётом ничего не понял, особенно значения словосочетания «кадеты – страшная сила».

– Наверное, они страшно красивые? – подумал про себя бедный Славик, у которого от мысленного напряжения даже кожа головы под уставной причёской сложилась в гармошку.

А ещё он почему-то вспомнил рассказ школьной учительницы про Суворовских чудо-богатырей, которые сваливались на врага, как снег на голову и громили, громили...

Славику стало нехорошо, отчего его тело охватил предательский мелкий озноб, лоб совершенно некстати покрылся испариной, а между лопаток пробежал холодок, и маленькая струйка солёного пота скатилась по линии позвоночника прямо в семейные трусы синего цвета.

– Что-то ты бледный сегодня какой-то, – заметил командир и почесал карандашом за ухом. – Заболел?

– Никак нет, – через силу выдавил прапорщик.

А командир дивизиона, уловив настроение подчинённого (благо, это было несложно сделать), перевёл разговор в другое русло.

– Ты вот что, не смущайся и не бойся этих самых кадетов, – улыбнулся Усачёв. – С ними надо по-умному, занять их чем-нибудь надо.

И заняли: с раннего утра и до позднего вечера Юра и остальные выпускники Суворовских училищ, не покладая рук, до кровавых мозолей трудились на строительстве водовода под руководством прапорщика Зажигова. Именно он был идейным вдохновителем и организатором образцового труда нескольких десятков человек. Прапорщик освоился среди кадетов очень быстро, похоронив навсегда все те комплексы, которые испытывал вплоть до самого знакомства с этой удалой гвардией, потому что ему-то было за что бороться: сам полковник

Усачёв посулил добавить ещё по одной звёздочке на его погоны. Зажигов от таких перспектив жмурился, как мартовский кот и вздыхал, как кисейная барышня, не в силах отказать себе мечтать о новом звании, недавно введённом в вооружённых силах. Это заставляло его чаще спускаться в появившуюся новую траншею с традиционным вопросом:

– Ну, как сегодня идут дела?

Он медленно проходил каждый метр прямоугольной ямы, внимательно осматривая и стены, и пол, потом цокал языком и показывал, где надо немного подравнять, где углубить, а где и подсыпать песочка, чтобы «труба лежала ровно». И ребята старались, рвали жилы, буквально вгрызаясь в твёрдую землю, как будто бы от качества выполнения этой работы зависела дальнейшая судьба всего училища, и извечный вопрос «быть или не быть?» приобретал вполне реальные очертания. Одним словом, агитировать кого-либо было без надобности.

А потом трудовой август закончился, подведя к логическому завершению и саму идею ударной стройки. Начавшийся сезон дождей постепенно стал наполнять вырытую безупречно ровную траншею водой, день ото дня превращая её в искусственное водохранилище.

По краям вытянутой четырёхугольной ямы образовались оползни, и к недостроенному водоводу стало опасно приближаться.

Слёзы от подобного исхода, конечно же, на глаза не наворачивались, однако настроение у Юры портилось каждый раз, когда его взор натыкался на этот памятник бесполезного труда.

– Смотри, наш водовод засыпают, – тихо в самое ухо прошептал сосед по парте.

И действительно, у забора активно велась работа по ликвидации траншеи, как ненужного сооружения, а прапорщик Зажигов стал старшим прапорщиком, как и обещал ему командир дивизиона. Но всё это уже было неважно, потому что началась учёба, кадетов распределили по разным подразделениям, а Юра попал в батарею капитана Похилюка, который, завидев строй новоявленных курсантов, ткнул пальцем, указав на Юру, и произнёс:

– А этого усатого давайте в мою батарею.

10

Усы пришлось сбрить практически сразу. Предмет мальчишеской гордости, настоящая гусарская атрибутика, был срезан под корень по приказанию заместителя командира взвода сержанта Нёмы. Как говорил сам сержант, эту безболезненную операцию ему поручил провести командир батареи, во что Юра, конечно же, не поверил, но деваться было некуда: в Ленинградском высшем военно-политическом училище ПВО ношение военнослужащими усов было запрещено. Это касалось не только курсантов, но и офицерского состава и прапорщиков. Любой, кто начинал здесь службу, вынужден был считаться с подобной постановкой вопроса и неукоснительно соблюдать приказ начальника училища, ревностного служаки и редкостного самодура.

Правда, как в каждом правиле бывают исключения, так и в данной, казалось бы, тупиковой ситуации, такое исключение тоже нашлось. Им, как ни странно, оказался полковник Слободян, носивший длинные усы чёрного цвета, закручивающиеся своими концами аккуратно под нижнюю губу так, что при желании вышеупомянутый полковник, образцовый офицер, член КПСС и вообще – отличный семьянин, мог при желании их покусывать, что он и делал, когда переставал говорить и погружался в размышления.

Он был один такой – усатый, а потому каждый раз удивлённые взгляды других военнослужащих задерживались именно на его лице, даже со временем, когда, казалось бы, все вокруг привыкли к его густым зарослям над верхней губой. Из-за этого полковник Слободян был, как бельмо на глазу, являлся именно той ложкой дёгтя, которая портила всю бочку мёда, именуемую ЛВВПУ ПВО, а потому начальник училища не мог долго терпеть небритую физиономию какого-то там полковника, который был ниже по рангу, званию, занимаемой должности и возрасту. Не мудрствуя лукаво, он приказал своему заместителю, чтобы тот решил вопрос с усами быстро и безапелляционно.

– И чтобы в двадцать четыре часа их не было! – поставил точку генерал.

Откуда только начальник училища почерпнул это выражение: в двадцать четыре часа? Но заместитель уточнять такую пикантную подробность, чтобы удовлетворить своё разыгравшееся не на шутку любопытство, не стал, а сразу же, без промедления направился на кафедру философии на встречу со Слободяном. Тот в гордом одиночестве что-то писал в кабинете за столом, и был вынужден отвлечься от своих дел, когда к нему в кабинет постучали. Вошёл полковник Седов, сухо поздоровался, а потом минут десять вёл беседу ни о чём. Однако, Слободян сразу понял, что заместитель начальника училища пожаловал к нему в гости неспроста, а потому, пригладив кончики своих усов, спросил напрямую:

– У Вас ко мне какое-то дело, товарищ полковник?

– Скорее миссия, – Седов кашлянул. – Начальник училища приказал Вам сбрить усы.

Слободян приподнял удивлённо брови и, взглянув собеседнику в глаза, спросил:

– И это всё?

– Да, – выдохнул Седов.

– Тогда пусть он мне прикажет лично, – сказал, как отрезал, усатый полковник.

– Совсем офонарел! – воскликнул Слободян, когда оппонент удалился, плотно прикрыв за собой дверь.

Он еле сдержался, чтобы не высказать всё, что думал по этому поводу в лицо заместителю начальника училища, впоследствии похвалив себя за сдержанность.

– Ты даже не знаешь, что в старину тех, кто приносил плохие вести, сажали на кол, – прошептал взбешённый полковник и, с силой сжав пальцы рук в кулаки, резко ударил по столу.

Усы полковник носил давно, ещё со времён лейтенантской юности и никогда их не сбривал, а только аккуратно подравнивал края ножницами, придавая опрятный вид. Лет пять назад

Слободян заметил седину на своих усах, а потому стал их подкрашивать басмой, чтобы они по-прежнему оставались чёрными. Эксперимент с хной его разочаровал, потому что хна хоть и окрашивала бесцветные волосы, зато делала их рыжими, а это уже было смешно, во всяком случае, ему так казалось.

И вот теперь это сокровище, настоящие гусарские усы, предмет гордости и, можно сказать, неиссякаемый источник вдохновения, он должен теперь просто сбрить по приказу генерала?

– Дудки! Не выйдет! – подумал полковник и ещё раз на всякий случай перечитал в уставе параграф о внешнем виде военнослужащих.

К собственному удовольствию он отметил, что ношение усов устав не запрещал, а потому состава преступления даже на самый предвзятый взгляд в этом никакого не было.

– Чушь собачья! – уже вслух произнёс Слободян и, убрав устав во внутренний ящик стола, направился в триста шестнадцатую аудиторию проводить лекцию.

А на следующий день произошла знаменательная встреча на ковре в кабинете начальника училища, куда полковника Слободяна вызвали прямо из учебного корпуса, сорвав занятие с курсантами: генерала до глубины души возмутил тот факт, что кто-то посмел не выполнить его приказ. Он так и спросил своего заместителя:

– А что, Вы не передали мой приказ?

А когда получил ответ, что приказ был передан точно и в срок, то сразу же задал очередной вопрос:

– А почему тогда кто-то посмел послушаться?

Генерал нервно подёрнул плечами, вспоминая, как на утреннем построении во второй шеренге коробки офицеров управления и преподавательского состава по-прежнему обнаружилось лицо с усами, принадлежавшими всё тому же полковнику Слободяну.

– Равняйся! – по этой команде усы метнулись вправо.

– Смирно! – наглое лицо полковника Слободяна застыло в строю, как на только что отпечатанном фотоснимке.

– Офицеры управления прямо, остальные направо! – усы издевательски торчали, нагло и беспардонно насмехаясь над обстоятельствами, и генерал почувствовал себя обиженным, униженным и оскорблённым, и всё это в одном флаконе.

– Шагом марш! – усы приближались к трибуне, подпрыгивая вверх при каждом шаге, а потом так же ритмично стали удаляться, а генерал больше ни о чём уже думать не мог.

Он мрачнее тучи вошёл в свой кабинет, машинально повесил фуражку на крючок вешалки, а затем приказал дежурному по училищу вызвать в кабинет полковника Слободяна.

– Но уже лекции начались... – робко попытался объяснить дежурный.

– Немедленно! – начальник училища повесил трубку телефона, с шумом резко выдохнул воздух через нос и взглянул на наручные часы.

Ровно через шестнадцать минут преподаватель кафедры марксистско-ленинской философии полковник Слободян постучал в дверь:

– Разрешите войти?

– Входите, – генерал не стал подниматься из-за стола и не предложил вошедшему сесть.

Вместо этого он измерил прибывшего на аудиенцию с ног до головы уничтожающим взглядом и выдал терзавший душу вопрос:

– Вы почему не выполнили мой приказ, товарищ полковник?

– Какой приказ?

– Привести свой внешний вид в порядок, – чеканя каждое слово, произнёс генерал.

– А что в моём внешнем виде не так, позвольте поинтересоваться? – спокойным голосом, без дрожи и разрывов речи спросил Слободян.

– Вы небриты, – начальник училища непроизвольно сделал взмах правой рукой, указав на густые чёрные усы.

– Никак нет, товарищ генерал, – возразил Слободян и, проведя ладонью по щекам и подбородку, добавил. – И выбрит гладко, до синевы.

– А усы?

– А что не так с усами? Они аккуратно пострижены. Только вчера их подравнивал.

– В том-то и дело, что вчера, – генерал добавил строгости в голосе. – Их вообще не должно быть.

– Извините, товарищ генерал-майор, но устав не запрещает ношение усов.

– Но Вы же коммунист! – возмутился генерал.

Такого поворота Слободян не ожидал, а начальник училища, заметив явную растерянность оппонента, решил, что попал в точку, что ещё немного, и противник сдаст свои позиции и капитулирует окончательно и бесповоротно, а потому спросил:

– Как же Вы будете воспитывать курсантов, когда сами небриты и носите усы?

Это был проверенный способ воздействия на чужое сознание, стопроцентный, и любой растерялся бы от подобного вопроса, не зная, что ответить и как возразить, любой, но только не Слободян, нашедший оригинальный выход из данной тупиковой ситуации. А потому растерянность во взгляде сменилась озорным блеском в глазах, и он, ни минуты не раздумывая, ответил вопросом на вопрос:

– А как же тогда Карл Маркс, Фридрих Энгельс и Владимир Ильич Ленин воспитывали весь мир, когда они такие заросшие?

После этого вопроса в кабинете начальника училища воцарилась тишина. Полковник Слободян молча ожидал ответа, а генерал-майор впал в оцепенение из-за обрушившейся на его извилины головоломки. Можно было бы долго рассуждать о том, кто в большей или меньшей степени является коммунистом, но все эти доводы разваливались в пух и прах перед основоположниками научного коммунизма, перед этой почти святой троицей бородатых гениев, изображённых на всех плакатах и транспарантах, чьи «идеи живут и побеждают». Как сказали бы игроки в карты:

– Крыть нечем.

– Ну что же, убедили, – генерал усмехнулся после затянувшейся паузы. – Можете идти.

– Есть! – полковник Слободян отдал честь, а затем, повернувшись через левое плечо кругом, вышел из кабинета начальника училища.

– Один ноль, – произнёс он уже в приёмной, прекрасно отдавая себе отчёт в том, что дуэль ещё не окончена, и что следующий ход в завязавшейся партии за генералом.

11

– Батарея! Подъём! – зычный голос дневального мог разбудить кого угодно и поднять всех, даже мёртвых из могилы.

И пусть городят всякий вздор, но для Юры эта команда была самой нелюбимой. Мало того, что обрывался сон, как правило, на самом интересном месте, так ещё надо было резво вскочить с кровати, отбросив в сторону одеяло, и не менее шустро одеться, чтобы успеть вовремя выскочить в коридор на построение и занять своё место в строю. И хотя по иронии судьбы первое отделение находилось в отдельном кубрике, однако приятного в этом было мало, а всё потому, что эту же площадь вместе с курсантами делили заместитель командира взвода сержант Нёма и старшина Алексеев.

– Не свезло! – озвучил своё умозаключение Ваня Шевчук, переведённый в двадцать третью группу самым последним.

На самом деле смысла подобной ротации, когда одного курсанта меняют на другого без каких-либо объяснений, никто не понял, а потому большинство заподозрило во всей этой истории неладное. Ваньке поначалу не доверяли, считая его засланным казачком, и зря, потому что последующие годы доказали всю несостоятельность подобных подозрений. И в целом, что касается двадцать третьей группы, народ здесь собрался ещё тот. Наверное поэтому начальство угадало, сделав это подразделение самым малочисленным. «Мал золотник, да дорог» – эта пословица как нельзя лучше характеризовала данный спаянный коллектив. Так случилось изначально, что курсанты группы стояли друг за друга горой. Это они внутри собственного маленького коллектива выясняли отношения, если было нужно, но когда дело касалось внешних недоразумений, то они решались сообща, быстро и эффективно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.